

4. Рождение ускорения (1983 г.)

Возможно, Генсек понимал всю опасность перестройки бюрократии в номенклатурную буржуазию. Таким образом, перед режимом необыкновенно остро встала задача — осуществить скачок НТР, не меняя форму социального господства. Для осуществления этой задачи нужен был постоянный мозговой штурм. Андропов пытался активизировать интеллектуальную деятельность «коллективного мозга партии» Политбюро: *«В последние годы при Брежневле заседания Политбюро были короткими, скоротечными — всего лишь за час, а то и за сорок минут принимали заранее подготовленные решения и разъезжались. При Андропове высшее политическое руководство начало работать в полную силу, обсуждения длились часами. Перерывов не было, обычно довольствовались бутербродами и чаем»*⁸¹.

Но умственные способности престарелой части Политбюро уже изрядно поизносились. На заседаниях геронтократов приходилось скорее уговаривать принять то или иное решение. Поэтому Андропов предпочитал принимать решения лично, проводя частные совещания с нужными руководителями: *«Он держал в руках такие ключевые вопросы, как соотношение между темпами роста производительности труда и зарплаты, сбалансированность между товарной массой и доходами населения, — вспоминает Е.Лигачев. — Для него это были вопросы большой политики...»*

Обычно Юрий Владимирович начинал так:

— Расскажи-ка, Егор Кузьмич, где мы находимся... А потом добавлял: Давайте погоняем эту проблему.

И мы основательно «гоняли» ту или иную проблему, одновременно гоняя чай с сушками»⁸².

Такие «мозговые штурмы» были для Андропова важным источником идей. Роль советников при новом Генсеке заметно снизилась. Решающее участие в этих совещаниях играли хозяева военно-промышленных и внешнеполитического ведомств Устинов, Громыко и Романов. Но особое значение приобретает фигура Горбачева. Молодой, но уже достаточно влиятельный, богатый на идеи член Политбюро становится практически правой рукой Андропова. «После пленума ЦК, избравшего Андропова генсеком, М.С.Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его, — вспоминал его помощник В.Болдин. — А вечером, когда я зашел к нему с документами, не удержался и сказал:

— Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают»⁸³.

Благополучная пора в жизни Горбачева. Как это не покажется странным, Горбачев был человеком команды. Этому способствовали и базовые черты его крестьянского характера, и номенклатурная выучка. Ему нужен был лидер и автономия. Андропов предоставлял и то, и другое в рамках разумного патернализма. Это возвращение патернализма на уровне «человека идейного» помогло Горбачеву раскрыться. Тем более, что в команде Политбюро он, по-видимому, был единственным «человеком идейным» (Андропов и Громыко по-видимому уже пережили эту фазу и вступили в следующую).

Теперь Горбачев мог не только выдвигать идеи, но и отстаивать их, добиваться воплощения в жизнь. Он был очень работоспособен. По воспоминаниям Лигачева, «Горбачев в те годы был единственным членом Политбюро, которого можно было застать на рабочем месте до позднего вечера». По словам его помощника, «Горбачев читал множество записок и справок, различные документы и в то же время помнил десятки статистических данных. Неплохо оперировал всем, что слышал от ученых и специалистов»⁸⁴. Андропов рекомендовал Горбачеву «не замыкаться на сельском хозяйстве, поактивней подключаться к вопросам общей экономики»⁸⁵. Для разработки этих вопросов нужен был интеллектуальный центр. Еще в 1981 г. Горбачев начал собирать ученых и специалистов различных ведомств и советоваться

с ними по различным, не только аграрным, вопросам⁸⁶. Горбачев и Рыжков стали проводить частые совещания в ЦК, на которых обсуждалась модель предстоящей экономической реформы. В команду экономистов, участвовавших в этих обсуждениях входили интеллектуалы-«шестидесятники» — академики А.Аганбегян, А.Арбатов, В.Тихонов, О.Богомолов, Т.Заславская, доктора наук Л.Абалкин, С.Ситарян, Р.Белоусов, Е.Петраков и др.⁸⁷

АГАНБЕГЯН Абел Гезович

1932 г. рождения. Закончил Московский государственный экономический институт. В 1955—1961 гг. работал в Государственном комитете Совета Министров по вопросам труда и заработной платы, в 1961—1966 гг. — ведущим лабораторией Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, в 1967—1980 гг. — директором этого института. В 1967—1985 — член Президиума Сибирского отделения АН СССР. Участвовал в организации дискуссий ученых Новосибирска, в которых с критических позиций обсуждался сложившийся в стране экономический механизм.

В 1985—1988 гг. — ведущий консультант Горбачева по вопросам экономики, теоретик концепции «ускорения». В 1987—1989 гг. — академик-секретарь Сибирского отделения АН, член Президиума АН СССР. С 1989 — ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. В 1990 г. возглавлял работу по синтезу программ выхода из экономического кризиса, предложенных группами С.Шаталина и Л.Абалкина.

Автор книги «Сибирь не понаслышке».

Впоследствии — председатель Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов РАН, председатель правления российско-швейцарского совместного предприятия «Линк», вице-президент Международной экономической ассоциации. Занимается бизнесом⁸⁸.

АРБАТОВ Георгий Аркадиевич

1923 г. рождения. Воевал. Войну закончил помощником начальника штаба минометного полка. Член КПСС в 1943—1991 гг. Закончил Московский государственный институт международных отношений, доктор исторических наук, профессор. Работал научным редактором издательства «Иностранная литература», замзавотделом журнала «Вопросы философии», завотделом журнала «Новое время», редактором-консультантом журнала «Коммунист», замзавотделом и обозревателем журнала «Проблемы мира и социализма». В 1962—1964 гг. — завсектором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Ответственный консультант, завотделом, руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС (1964—1967 гг.) Академик. В 1969 г. назначен директором Института США и Канады. Консультировал Брежнева и Андропова по вопросам внешней политики и, по своей инициативе — культуры и экономики.

Член ЦК КПСС в 1981—1990 гг.

Народный депутат СССР в 1989—1991 гг. В 1991 г. — член высшего консультативно-координационного совета при председателе Верховного Совета

СССР. С 1992 г. — член Консультационного Совета при президенте СССР. Председатель Ассоциации содействия ООН.

Автор книг «Вступая в восьмидесятые» и «Затянувшееся выздоровление».

Награжден орденами Ленина (дважды), Октябрьской революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного знамени (дважды), Красной звезды и Знак почета⁸⁹.

ЗАСЛАВСКАЯ Татьяна Ивановна

1927 г. рождения. Закончила экономический факультет Московского государственного университета. В 1950—1963 гг. работала в АН СССР, в 1963—1986 гг. — в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН в Новосибирске. В 1968 г. — член-корреспондент АН СССР, в 1980 г. — академик.

В апреле 1983 г. выступила с докладом, критикующим экономический механизм СССР и алкоголизацию страны. Доклад попал на Запад и имел большой резонанс.

Руководя Советской социологической ассоциацией в 1986—1988 гг. способствовала развитию в стране неформальных движений, предоставляя статус их активистам и прикрытие — мероприятиям. Почетный президент Российской социологической ассоциации. В 1988—1992 — директор Всесоюзного центра изучения общественного мнения, затем руководитель отдела в нем.

Народный депутат СССР в 1989—1991 г.

Автор многочисленных работ по проблемам социологии.

Награждена орденами Трудового Красного знамени и Октябрьской революции, международными премиями⁹⁰.

ТИХОНОВ Владимир Александрович (1927—1994)

Воевал. Прослужил в армии до 1950 года. После демобилизации учился в Уральском государственном университете (УрГУ) на историко-филологическом факультете, который закончил в 1955 году по специальностям история и экономика. Три года после окончания университета учился в аспирантуре и работал ассистентом в УрГУ. В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию по политэкономии и до 1964 года работал старшим преподавателем и доцентом в том же университете. С 1963 по 1965 год работал заведующим кафедрой политической экономии УрГУ и одновременно возглавлял Отдел экономических исследований Уральского филиала АН СССР.

В мае 1964 защитил докторскую диссертацию по теме «Экономические проблемы применения техники в сельском хозяйстве на современном этапе коммунистического строительства» и стал заведующим кафедры политэкономии в УГУ. В 1965 году основал в Москве Всесоюзный научно-исследовательский институт труда и управления в сельском хозяйстве и до 1972 годы был его директором.

В 1966 году стал членом-корреспондентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина (ВАСХНИЛ) по отделению экономики, а в 1974 — академиком ВАСХНИЛ. В 1972—1976 годах он был первым вице-президентом Сибирского отделения ВАСХНИЛ в Новосибирске. Вернувшись в

1976 году в Москву, возглавил отдел аграрных проблем в Институте экономики АН СССР, где проработал до 1986 года. В 1986—1994 гг. — заведующий кафедрой агробизнеса Академии народного хозяйства России при правительстве Российской Федерации (ранее при Совете Министров СССР). Занимался проблемами предпринимательства, и в 1988 году стал одним из авторов закона «О кооперации в СССР».

Имеет более 350 опубликованных работ, в том числе 34 самостоятельных издания.

В 1950—1990 гг. состоял в КПСС.

С 1989 года — Президент Союза объединенных кооперативов (СОК) СССР, а с мая 1992 года, когда СОК был преобразован в Лигу кооператоров и предпринимателей России — Президент Лиги. С 1989 г. член «Московской трибуны».

В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР, входил в Межрегиональную депутатскую группу, член ее КС. Депутат Государственной думы.

Награжден Орденом Трудового Красного Знамени и 14 медалями, а также вьетнамскими Золотым Орденом Труда 1-ой степени и медалью (за участие в 1979—1982 годах в подготовке экономических реформ во Вьетнаме)⁹¹.

БОГОМОЛОВ Олег Тимофеевич

1927 г. рождения. Закончил Институт внешней торговли Министерства внешней торговли. В 1949—1950 гг. работал консультантом Министерства внешней торговли. Член КПСС в 1950—1990 гг. Закончил аспирантуру Института внешней торговли и работал преподавателем в этом институте в 1950—1954 гг. В 1954—1962 гг. работал старшим референтом секретариата совета экономической взаимопомощи, завсектором научно-исследовательского экономического института Госплана. В 1962—1969 гг. — консультант отдела ЦК КПСС, заведующий консультантской группой аппарата ЦК. В 1967 г. также завкафедрой МГУ. В 1969 г. назначен директором Института мировой социалистической системы (с 1990 г. — Институт международных и политических исследований). В институте работало большое число «опальных» и «инакомыслящих» обществоведов, таких как Е.Амбарцумов, А.Бутенко, И.Клямкин, А.Мигранян, А.Ципко, Л.Шевцова, Г.Лисичкин, Н.Шмелев.

Народный депутат СССР в 1989—1991 гг.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции⁹².

АБАЛКИН Леонид Иванович

1930 года рождения. В 1952 году окончил Московский институт народного хозяйства (МИНХ) им. Г.В.Плеханова, бухгалтер-экономист. Работал в сельскохозяйственном техникуме в г. Гусеве Калининградской области преподавателем, заместителем директора, директором.

Член КПСС с 1956 по 1991 год. С 1958 учился в аспирантуре Московского государственного экономического института. С 1961 года работал в МИНХе ассистентом, старшим преподавателем. В 1962 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1966 года — заведующий кафедрой политической экономии.

Доцент. В 1971 году становится доктором экономических наук, в 1972 году — профессором.

С 1976 года — профессор, затем заведующий кафедрой основ управления социалистической экономикой Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, которая была «мозговым трестом» КПСС. В 1978—1986 годах руководил кафедрой политической экономики АОН. Автор ряда работ в области развития экономических аспектов теории развитого социализма. В 1984 году был избран членом-корреспондентом, в 1987 году — академиком АН СССР (в 1991 преобразована в Российскую АН). С 1986 года — директор Института экономики АН СССР, в 1988—1990 годах был членом Президиума АН СССР.

Автор большого числа работ по политической экономике: «Курсом ускорения», «Новый тип экономического мышления», «Перестройка: пути и проблемы», «Советское общество: революционное обновление», «Панорама экономической перестройки», «Трудный поворот к рынку». Во второй половине 80-х — начале 90-х годов под его редакцией несколькими изданиями вышли вузовские учебники политэкономии социализма и капитализма.

В 1988 г. делегат XIX конференции КПСС. В 1989 году был избран народным депутатом СССР от КПСС, но вскоре сложил с себя полномочия в связи с переходом в правительство. В 1989—1990 гг. заместитель председателя Совета министров — председатель государственной комиссии Совета министров по экономической реформе. В 1990—1991 гг. — член ЦК КПСС. В 1991 занимал пост советника Президента СССР⁹³.

ПЕТРАКОВ Николай Яковлевич

1937 года рождения. В 1959 году окончил экономический факультет Московского государственного университета (МГУ). С 1959 по 1961 год работал младшим научным сотрудником Научно-исследовательского института технико-экономических исследований Госкомитета СССР по химии (НИИТЭХИМ). С 1961 года работал младшим, затем старшим научным сотрудником Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) Госплана СССР, с 1965 года — заведующий лабораторией в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) АН СССР. С 1981 по 1990 год — заместитель директора ЦЭМИ. В 1990 году назначен помощником Генерального секретаря ЦК КПСС (затем — помощником Президента СССР) по экономическим вопросам. С 1991 года — директор Института проблем рынка РАН.

В 1971 году защитил докторскую диссертацию. С 1972 года — профессор. Специалист по экономико-математическому моделированию, исследовал с этой точки зрения вопросы рыночного регулирования экономики — прежде всего через ценообразование. Автор большого числа публикаций по вопросам ценообразования, методологии оптимизации механизма функционирования экономики. Был одним из последовательных сторонников рынка и еще при Брежневе выдвигал предложения по реформированию экономики, за что неоднократно подвергался критике.

В 1984 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. Член КПСС с 1964 по 1991 год.

Во второй половине 80-х гг. — советник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем — Президента СССР. В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР. Академик АН СССР.

Создал независимый институт «Открытой экономики», занимающийся, в частности выработкой рекомендаций для зарубежного инвестирования.

Награжден орденом «Знак почета» (1987 год)⁹⁴.

Созданный Горбачевым и Рыжковым «мозговой трест» был призван нащупать основные направления экономических преобразований. «Считаю, — утверждал несколько лет спустя Н.Рыжков, — что истоки перестройки относятся к началу 1983 г., к тому времени, когда Андропов поручил нам — группе ответственных работников ЦК КПСС, в том числе мне и Горбачеву, подготовку принципиальных положений по экономической реформе»⁹⁵.

Но кроме выработки идеи необходимо было создать в аппарате атмосферу, благоприятную реформаторам. В отличие от Андропова, Романова и Лигачева, Горбачев пытался не столько напугать кадры, сколько связать их с собой: «Когда речь шла о назначениях, о выдвижениях, то с этой целью людей приглашал к себе Горбачев, именно он объявлял им приятную новость»⁹⁶. Но при этом Горбачев сохранял неприязнь к ведомственной бюрократии. Вспоминает А.Черняев, работавший тогда в аппарате ЦК: «Когда Горбачев стал вести иногда заседания Секретариата, те, кто по очереди из нас, замов, там бывали, возвращались в восторге: наконец-то появился умный и честный человек, озабоченный состоянием страны и готовый что-то делать. Особенно нравилось, как он “вызывал на ковер” министров, разоблачал их некомпетентность, близорукость, а то и обман, который стал обычной и простительной практикой. Но замечали и другое: оргвыводов даже в отношении явных бездельников и паразитов не следовало. Это, наверное, было бы превышением “компетенции”, Политбюро не поддержало бы»⁹⁷.

Второй эшелон кремлевских аппаратчиков в значительной своей части был готов поддержать антиведомственную политику Горбачева, которая тогда казалась синонимом компетентности и честности. В этом Горбачев мог чувствовать поддержку и значительной части директората, и интеллигенции, и, конечно, аграрной верхушки. О последней секретарь ЦК по сельскому хозяйству никогда не забывал. После прихода андроповского клана к власти Горбачев развернул новое наступление на сельскохозяйственные министерства. На места было дано негласное распоряжение обкомам потихоньку брать перерабатывающую промышленность в свои руки. Естественно, усиление аграрной верхушки представлялось как совершенствование социалистической демократии: «быстрому росту сельскохозяйственного производства... призваны служить новые полноправные демократичные органы управления, объединяющие усилия колхозов, совхозов и предприятий других отраслей»⁹⁸. В действительности господство партийных органов, недобровольный характер объединения и отсутствие рыночных механизмов во взаимоотношениях партнеров не оставляли места никакому демократизму.

Действия Горбачева помогли получить прочную опору в среде аграрной номенклатуры, но не могли остановить углубления аграрного кризиса. Основная энергия секретаря по сельскому хозяйству уходила в этот период на придворные комбинации — подбор кадров, подспудную борьбу с конкурентами, продумывание проблем, которые предлагал «погонять» Андропов. На сельское хозяйство времени оставалось мало. Здесь Горбачев принял на вооружение тактику оттяжек. Да, сейчас сельское хозяйство «по объективным причинам» не справляется с плановыми заданиями. Но это потому, что еще не приведены в действие «волшебные палочки», способные поправить дело — объединение агропромышленных ведомств и переход власти над перерабатывающими предприятиями в руки РАПО, упорядочение сельского хозяйства, усиление химизации (как будто мало уже отравили земель) и развитие мелиорации: «Ведь мелиорированные земли представляют собой особую ценность для страны. Именно на этих землях можно достичь гарантированного производства сельскохозяйственной продукции...»⁹⁹

Горбачев не говорит здесь прямо о повороте северных рек — волна недовольства этим проектом уже была заметна. Но всем, кто был в курсе проблемы, было ясно, о чем идет речь. ЦК не мог пойти навстречу противникам «проекта века», потому что отмена поворота ставила Горбачева перед необходимостью отвечать за провалы в сельском хозяйстве, когда уже нельзя бесконечно ссылаться на будущие свершения. Ситуация изменилась лишь в 1985 г., когда Горбачев перестал, наконец, нести непосредственную ответственность за состояние дел в аграрном секторе. А пока он продолжал выдвигать новаторские идеи, предлагать более широкое развитие на селе хозрасчетных отношений, названных «коллективным подрядом»¹⁰⁰.

Своим аграрным профилем Горбачев тяготился и до 1985 г. Его тянуло к более глобальным проблемам. Попытки Горбачева, который теперь иногда вел Секретариат ЦК, вмешиваться в дела «чужих епархий» вызывали сопротивление. Главным оппонентом Горбачева был Тихонов. Премьер ревниво оберегал экономическую сферу от вторжений извне. «Давайте так, — сказал он в те дни Юрию Владимировичу, — ты хорошо знаешь административные органы, идеологию, внешнюю политику. А уж экономику я тебе обеспечу... — вспоминает Горбачев. — Но когда Андропов поручил мне, Рыжкову и Долгих составить перечень неотложных проблем, связанных с совершенствованием управления экономикой, планирования и расширения самостоятельности предприятий, Тихонов забеспокоился не на шутку»¹⁰¹. На заседании Политбюро 18 августа произошел конфликт: «Тихонов возмущен, что Секретариат ЦК, в частности Горбачев, уже не первый раз берет на себя хозяйственные вопросы. (Небольшая перепалка. Горбачев: «А что делать, если вы не решаете?») Тихонов: «Не пытайтесь работать по проблемам, в которых вы некомпетентны»»¹⁰². Это столкновение было не случайным — промышленники как могли сопротивлялись установлению контроля за ними со стороны чисто партийных структур (и стоявших за ними реформистов, опиравшихся на «местнический» блок), признавая суверенитет только Политбюро. Андропов старался поддерживать равновесие сил в этой сфере. Он сказал Горбачеву:

— Михаил, я тебя прошу, сделай как-то так, чтобы не портить отношения с Тихоновым. Ты же понимаешь, как мне это сейчас важно¹⁰³.

Несмотря на подобные проблемы, Горбачев не упускал возможность развернуться в качестве теоретика. Даже рассуждая о сельскохозяйственной политике, он не забывает блеснуть какой-нибудь философской идеей, о роли человеческого фактора, например¹⁰⁴.

Время правления Андропова благоприятствовало активизации официальной философской мысли. Новый Генсек даже сделал сенсационное для того времени признание: *«если говорить откровенно, мы еще не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся... Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, путем проб и ошибок»*¹⁰⁵.

Первая после прихода к власти попытка Андропова разобраться в вопросе «где мы?» была предпринята в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Основная идея статьи, которая была замечена всеми, ставила крест на обещаниях скорого пришествия коммунизма, которые лишь дискредитировали официальную доктрину. Говоря о переходе к коммунизму в ходе совершенствования развитого социализма, Андропов заявил: *«Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет, естественно, знать свои периоды, свои ступени роста»*¹⁰⁶. По утверждению Г.Корниенко, в частном порядке Андропов высказывался еще более радикально: *«по крайней мере дважды в моем присутствии он говорил примерно так: какой там, к черту, развитой социализм, нам до простого социализма еще пахать и пахать»*¹⁰⁷.

В.Печенев, работавший над текстом статьи, вспоминает: «Помню, как вернувшись однажды с Лубянки, В.В.Шарапов, который вместе со мной руководил работой над докладом, сказал мне, что Андропова очень заинтересовала эта мысль о длительности развитого социализма, о его собственных ступенях роста, и он спрашивает: нельзя ли найти где-либо подтверждения сформулированной мной идеи и соответствующую документацию?»¹⁰⁸ Коммунистический идеал отодвигался в необозримое будущее. Андропов призывает к большему прагматизму, к некоторой деидеологизации и осторожности: *«Идеологи буржуазии и реформизма по сей день толкуют, что реальность, мол, разошлась с идеалом. Но сознательно или по неведению упускают из виду, что сам Маркс, разрабатывая свое учение, меньше всего руководствовался требованиями некоего отвлеченного идеала, чистенького, приглаженного социализма»*¹⁰⁹. Сложившееся в СССР общество вовсе не обязательно подгонять под идеологические схемы. И форсировать социалистическую трансформацию общества не надо: *«Говоря о превращении “моего” в “наше” нельзя забывать, что это длительный, многоплановый процесс, который не следует упрощать»*¹¹⁰.

Более того. Андропов, который, конечно, сам определял ключевые положения статьи, подписанной его именем, сделал еще один заметный шаг по пути прагматизации идеологии: *«Концепция развитого социализма означает, что понадобится определенное время, чтобы подтянуть отстающие*

тылы и двинуться дальше. Нам надо трезво представлять, где мы находимся...»¹¹¹ Идея «подтягивания тылов» вполне соответствовала тактике «завинчивания гаек», в которой Андропов видел возможность получить дополнительные ресурсы перед броском НТР.

Но это был не единственный ресурс. *«Возрастает роль представительных органов в осуществлении главной, хозяйственно-организационной функции социалистического государства. Нельзя не отметить и такую, найденную самими массами первичную форму хозяйственного управления, какой стала хозрасчетная бригада. Разумеется, нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздробленности общества на независимые друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей»*¹¹².

Андропов понимал, какую опасность системе может нести самостоятельность трудовых коллективов, их рыночное соревнование. Но без определенной автономии производственных ячеек заставить работников проявлять необходимую инициативу было невозможно, и Андропов задумывается над возможностью создания экономической модели, напоминающей азиатскую деспотию — всевластие государственной машины в регулировании экономических отношений при некоторой автономии производственных коллективов.

Но как конкретно будет выглядеть новая экономическая модель, где грань между самоуправлением и управлением, которая позволит пробудить «творческий потенциал» производителя и в то же время не приведет к «анархо-синдикалистскому» самоуправлению. Для броска НТР нельзя было действовать «методом проб и ошибок», не зная общества, которым приходится управлять. Для прояснения ситуации Андропов привлекал научный потенциал Института социальных исследований, Экономико-математического института и других прагматически ориентированных учреждений. Советские ученые позволяли себе далеко идущие выводы. Один из документов, который был подготовлен в недрах Сибирской академии наук под руководством А.Аганбегяна и Т.Заславской, попал в руки Итальянской коммунистической партии и вызвал на Западе сенсацию. Новосибирский документ приходил к выводу, что советское общество *«представляет отныне устаревшую систему производственных отношений и управления народным хозяйством, порождающую постоянный спад производства, постепенную утрату заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, неспособность обеспечить полное и адекватное использование трудового и умственного потенциала общества...»*

Процесс модернизации социалистических производственных отношений сложнее, чем это представлялось, так как существующую систему должны изменять социальные группы, занимающие довольно прочные позиции в системе и, следовательно, связанные с ней сильными интересами...» Необходимо «мобилизовать заинтересованные в изменениях группы и одновременно нейтрализовать группы, потенциально выступающие против реформ»¹¹³.

Для того, чтобы координировать эти опасные исследования, необходимы были достаточно опытные политики-интеллектуалы, втайне мечтавшие о «социализме с человеческим лицом». Одним из таких людей Горбачев «нашел» во время своего визита в Канаду в мае 1983 г. Это был посол А.Яковлев.

ЯКОВЛЕВ Александр Николаевич

1923 г. рождения. Во время войны командовал взводом морской пехоты. Уволен в запас по ранению, сделавшему его хромым на всю жизнь. «Да, воевать мне пришлось немного. И то считали, что я в рубашке родился. За это время состав взвода сменился полностью раз пять»¹¹⁴, — вспоминает А.Яковлев.

Вскоре после войны Яковлева пригласили на партийную работу. Начинать с инструктора в секторе печати обкома. В конце 40-х — начале 50-х гг. Яковлев курировал областную печать и сам работал в газете. «Считаю это время лучшим в моей жизни»¹¹⁵, — пишет он о последних годах сталинского правления.

В этот период взгляды Яковлева полностью укладывались в рамки официальной доктрины: «Наше же поколение бескомпромиссно верило в справедливость происходящего и прекрасное будущее... Но тогда я действительно верил!»¹¹⁶ Впрочем, такая вера достигалась сознательным подавлением собственных сомнений: «Но настоящая червоточинка... появилась, когда я увидел после войны отношение к нашим бывшим пленным. Стали возвращаться из Германии пленные — а их в лагеря. Вот с этим я смириться никак не мог. Было безмерно стыдно — я ведь знал, как попадали в плен»¹¹⁷.

После смерти Сталина Яковлев переходит на работу в центральный аппарат. Слышал доклад Хрущева о сталинских репрессиях, который глубоко повлиял на мировоззрение начинающего аппаратчика: «Помню, как мы спустились с балкона и в лицо друг другу не смотрели. То ли от чувства неожиданности, то ли от стыда или шока»¹¹⁷. Несмотря на это, по словам сотрудника аппарата Ф.Бурлацкого, «во времена Хрущева А.Яковлев имел твердую репутацию одного из самых ортодоксальных работников отдела пропаганды ЦК»¹¹⁸.

Партийная карьера Яковлева шла неровно — в 1956—1960 гг. ему даже пришлось оставить работу в аппарате ЦК. К 1973 г. Яковлев дослужился до поста замзавотделом пропаганды. Видимо, вершители чиновничьих судеб чувствовали его двоемыслие. Недаром в среде советников Яковлев пользовался репутацией «иезуитски умного» человека¹¹⁹. Во внутрипартийной борьбе он ориентировался на «пуристан», которые с помощью Яковлева поддерживали прессу, выступающую с разоблачениями некоторых злоупотреблений. Поддержка сверху позволяла Яковлеву претендовать на пост завотделом пропаганды, однако здесь он столкнулся с интересами советников Брежнева. Пользуясь тем, что Яковлев выступал против наиболее помпезных восхвалений Брежнева, которые в начале 70-х гг. еще не стали обыденным явлением (замзавотделом видел в этом подрыв репутации Генсека), советники настраивали против соперника руководство.

В 1972 г. Яковлев напечатал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма», в которой критиковал «славянофильские» взгляды с ортодоксальных позиций. Эта статья, видимо, повредила его репутации и среди

покровителей-«пуритан», настроенных «патриотически». Понимая, что карьера под угрозой, Яковлев вовремя согласился уйти на дипломатическую работу — в 1973—1983 гг. он работает послом в Канаде. Здесь Яковлев пишет статью «Динамизм и консерватизм — их адепты», в которой пытается с марксистских позиций осмыслить проблему прогресса и консерватизма.

Эта статья не была опубликована в СССР до 1990 г., что естественно, так как автор анализирует не столько зарубежный консерватизм, сколько отечественный: «Происходит метаморфоза: провозвестники бывшего нового остаются до конца его защитниками, упрямыми апологетами, не замечая появления нового, которое превращает бывших пророков динамизма в рутинных консерваторов, потерявших контакт, живую связь со временем, охваченных не только недоверием к новому, но и страхом перед переменами... Законы еще нерегулируемого капиталистического рынка, основанного на анархической конкуренции, стали вытеснять этику и нравственность из экономической жизни. Такого рода экономика оказалась равнодушной к интересам реального человека.

Теологию, абсолютизирующую технократизм и отторгающую этику и человека, взял на вооружение и Сталин, что привело к кризисному варианту развития»¹²⁰. Но в 1983 г. Яковлев был слишком далеко от центров власти, чтобы как-нибудь влиять на изменение варианта развития страны.

Впоследствии А.Яковлев — директор Института мировой экономики и международных отношений (1983—1985 гг.), заведомо пропаганды ЦК КПСС (1985—1986 гг.), секретарь ЦК КПСС (1986—1990 гг.), член Политбюро ЦК КПСС (1987—1990 гг.), член Политсовета Движения демократических реформ (с 1991 г.), член совета Общественного телевидения (с 1995 г.).

Во время визита Горбачева в Канаду он имел длительную беседу с Яковлевым, которая привела к назначению бывшего посла директором одного из мозговых центров реформистов — Института мировой экономики и международных отношений. Андропов осторожно относился к Яковлеву и отвечал на заверения Горбачева в интеллектуальных способностях посла: «Это верно, голова у него есть, и даже не одна»¹²¹. На новом, научном посту Яковлева его «двоемыслие» могло принести больше пользы, чем вреда, и Генсек согласился. Возвращение в Москву не изменило Яковлева. По наблюдению А.Черняева, он был «настроен по-прежнему зло, саркастически»¹²². Но такой человек и был нужен Горбачеву.

Во время поездки в Канаду Горбачев показал себя динамичным и острым политиком, выделявшимся на скучном фоне кремлевских старцев. Сопровождавший его заместитель министра внешней торговли В.Сушков вспоминал: «К чести Горбачева надо сказать — он умел прекрасно вести беседу. Я это заметил еще в Канаде. Представьте себе: человек первый раз попадает в капиталистический парламент и подвергается жесткой неприязненной атаке оппозиции. Наш глава делегации оказался на высоте... Говорил он легко, свободно, логично и, в отличие от Суслова и Брежнева, без всяких бумажек.

Два раза он спокойно ответил на нападки консервативного депутата, а на третий раз под аплодисменты процитировал известную на Востоке фра-

зу: «Собака лает, а караван идет вперед». На другой день газеты нарисовали Горбачева с караваном, а на обочине стояла лающая собака с головой сердитого депутата»¹²³.

Но если на Западе Горбачев демонстрировал убежденность в правильности пути социалистического «каравана», то возвращаясь в страну, молодой член Политбюро вынужден был погружаться в водоворот сложных проблем, которые пока не нашли решения. Очевидно, что Горбачев в этот период, как и вся андроповская верхушка, лучше осознавал, от чего следует избавиться, а не то, к чему следует прийти. Такое положение соответствовало политическому характеру Михаила Сергеевича, о котором его будущий помощник Г.Шахназаров писал так: *«По натуре и складу мышления Михаил Сергеевич — тактик и продвигался вперед в основном методом проб и ошибок. Он любит повторять девиз Наполеона: ввязаться в драку, а там посмотрим»*¹²⁴.

Однако и это понимание несовершенства общественного строя уже было немалым теоретическим достижением для номенклатуры. Сам Андропов поощрял упражнения в идеологии своего относительно молодого протеже, стремясь таким образом укрепить его авторитет в партии. Горбачеву было поручено читать доклад к юбилею Ленина. Прошлый такой доклад был ступенькой к власти самого Андропова.

Один из руководителей кремлевских спичрайтеров Г.Смирнов вспоминал, что Горбачев не захотел, чтобы доклад целиком писали за него, как это делалось всегда. «Он сразу же дал мне свои первоначальные заготовки. Самое заметное место в них занимали положения, относящиеся к последним ленинским работам. Докладчик хотел, чтобы прозвучала мысль о том, что Ленин в конце жизни намеревался переосмыслить сложившиеся представления о социализме. Однако эти задумки Михаила Сергеевича были осуществлены не полностью: помнится, что были какие-то рекомендации членов Политбюро сократить эти мотивы»¹²⁵. По тем временам обращение к последним ленинским статьям было довольно смелым решением. Мало того, что последние письма — одно из наиболее реалистичных творений вождя, результат поиска путей выхода из того состояния, в которое страну ввергла Гражданская война. В этих письмах затрагивается проблема сталинизма, сама по себе способная похоронить под своей тяжестью все идеологические конструкции номенклатуры. Несмотря на то, что Горбачев не упоминал о сталинизме, обращение к комплексу последних статей заставляло слушателей вспомнить также и об этой проблеме.

В последних письмах и статьях Ленин поставил практически все проблемы, которые придется решать архитекторам Перестройки в начальный ее период — индустриальный скачок, дебюрократизация, кооперативное движение, сочетание государственного регулирования с широким развитием товарно-денежных отношений. По существу, в своих последних статьях Ленин дал как раз ту конструктивную программу, которой так не хватало андроповской группировке. Однако эта программа была заимствована у социалистических противников большевиков и потому была сформулирована Лениным бегло и абстрактно. Он лишь намечил направление теорети-

ческого поиска. Недаром Горбачева продолжают мучить те же вопросы, на которые не удалось ответить руководителям нэповской России: *«В особенности это касается такого важного вопроса управления, как определение оптимального сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности предприятий, местных органов, их инициативы и предприимчивости с экономической ответственностью перед обществом»*¹²⁶. Несмотря на смелый замысел, апрельская речь в целом не удалась Горбачеву. Он не смог преодолеть аграрного «флюса», возникшего из-за желания выпятить роль своего ведомства. Это не способствовало успеху Горбачева-теоретика.

Подконтрольные Горбачеву службы продолжали проталкивать идеологические новации и в дальнейшем. Так, министр сельского хозяйства В.Месяц впервые употребил в августе 1983 г. слово «перестройка» в качестве самостоятельного термина: *«Темпы, качество полевых работ ныне лучше прошлогодних. Это во многом — плоды перестройки»*¹²⁷. Такие слова выглядели бы банальностью в 1986 г., но сказаны они были за три года до того. Аграрии прощупывали почву для Горбачева.

А пока роль главного идеолога берет на себя второй по силе человек в партии — Черненко. Находившийся в тени с начала 1983 г., Черненко в июне властно выходит на политическую арену. Первые полгода андроповского правления он с успехом использовал для укрепления своей кадровой базы — изрядно напуганного клана Брежнева. Не потеряны и прочные связи в узкой касте Политбюро. На июньском идеологическом пленуме, который должен был ответить на вопрос Андропова — где же мы все-таки находимся? — Черненко играет центральную роль, что нельзя сказать не только о Горбачеве, но и о самом Генсеке. Напрасными были и надежды Горбачева на то, «что Черненко предложит мне, как минимум, принять участие в окончательной доработке его выступления»¹²⁸.

Советники Черненко потрудились на славу. Закрепив основные «теоретические достижения» Андропова, Черненко дал всестороннюю картину официального взгляда на общество, в которой содержалось несколько положений, ставших привычными только в период Перестройки. Оратор поставил перед присутствующими задачу «революционного обновления общества», заявил, что национальный вопрос еще рано снимать с повестки дня, призвал к веротерпимости и произнес настоящий панегирик в защиту гласности: *«Гласность, открытое обсуждение успехов и промахов, участие руководителей всех рангов в политико-воспитательной работе, создают тот общественный климат, в котором люди хорошо трудятся»*¹²⁹.

Несмотря на прочность политических позиций Андропова, июньский Пленум показал, что правление нового Генсека будет недолгим: «он говорил, часто запинаясь, перебирая текст (что было ясно видно) старчески дрожащими руками»¹³⁰. Силы на глазах оставляли грозного владыку, хотя абсолютная власть его была неприкосновенной. Андропов мог даже прервать доклад Черненко, чтобы напомнить «разболтавшимся» партийцам о всевидящем око КГБ: *«Шло все рутинно, как вдруг, в том месте доклада Черненко, где речь шла о контрпропагандистской работе, о “необходимо-*

сти давать принципиальную, партийную оценку действиям тех лиц, которые сознательно или несознательно, что называется, поют с чужого голоса, распространяя всякого рода сплетни и слухи”, — Андропов прервал его. И при гробовом молчании удивленного зала жестко сказал примерно следующее: “Да, кстати. Мне известно, что в этом зале находятся люди, которые позволяют себе в беседах с иностранцами распространять ненужную и вредную для нас информацию. Я не буду сейчас называть фамилии — товарищи сами знают, кого я имею в виду. И пусть они запомнят — это последнее предупреждение им”...

Черненко невозмутимо выслушал эту реплику и продолжал чтение своего доклада», — вспоминает В.Печенев¹³¹. О другом шаге Андропова на этом пленуме рассказывает Горбачев: «По мере того, как Константин Устинович с большим трудом продирался сквозь зимнянинскую схоластику, лицо Юрия Владимировича мрачнело. В какой-то момент он подозревал меня и сказал:

— После перерыва садись сюда, будешь председательствовать.

Надо знать, что это означало в те времена, чтобы понять, сколь тяжелым был удар для Черненко. Он сидел после перерыва в стороне, не слушая прений¹³². Все же докладчик спокойно воспринимал бестактности самодержца. Болезнь Генсека с точностью математического закона приближала Черненко к трону.

Правда, после пленума произошел инцидент, который серьезно подорвал здоровье «человека № 2». В отпуске в Крыму Федорчук угостил Черненко ставридой собственного копчения. Вскоре член Политбюро был госпитализирован с диагнозом «вирусная инфекция». Именно после этого случая Черненко превратился в разбитого болезнью старца, каким его и запомнили миллионы людей. Обращая внимание на странность этого происшествия, помощник Черненко В.Прибытков пишет: «Ну и дела! Все члены семьи живы и здоровы. У Анны Дмитриевны ни малейших признаков недомогания. А Константин Устинович в кремлевской реанимации. Просто удивительная ставрида “точечного бомбометания”»¹³³. Помощник Лигачева Легостаев считает, что имело место покушение, организованное КГБ с целью расчистить путь к власти Горбачеву¹³⁴. Однако именно тот факт, что ставрида не вызвала отравления у других людей, которые ее ели, показывает, что подарок Федорчука скорее всего не был причиной болезни. Все это ослабляет версию о покушении. Нет никаких доказательств причастности к этим событиям Горбачева. Черненко мог мешать многим. Но в любом случае работа в высших эшелонах власти плохо сказывается на здоровье.

Андропов, который сам был тяжело болен, воспользовался болезнью главного идеолога для выдвижения новых людей. В ноябре 1983 г. сделать идеологический доклад к годовщине октябрьской революции было поручено уже не Черненко или Горбачеву, а Романову. Доклад оборонного секретаря был выдержан в прагматических тонах, и некоторые его мысли звучали просто еретически: «Вместе с тем после победы Октября он (Ленин — А.Ш.) не устал подчеркивать, что мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически»¹³⁵. Можно подумать, что Ленин в каких-

то ситуациях высказывался против коммунизма под предлогом его экономической необоснованности. Но после того, как Андропов «отодвинул» коммунизм в неопределенное будущее, такая мысль (тем более с неконкретной ссылкой на Ленина) звучала вполне оправданно. Красной нитью сквозь всю историю СССР в изложении Романова проходит техническая мощь страны, отраслей, «определяющих научно-технический прогресс». Педалирование этой темы в идеологическом докладе выглядело уместней, чем «аграрный флюс» в апрельской речи Горбачева. Романов здесь занимал более выгодные позиции. Но некоторые пассажи его речи, вполне созвучные курсу Андропова, не могли не обеспокоить аппаратную массу: «упрощение и удешевление аппарата, его укрепление компетентными кадрами, способными с полной отдачей действовать в условиях научно-технической революции, повышение уровня работы всей системы управления по-прежнему остаются актуальными»¹³⁶. Реорганизация управления как условие осуществления научно-технического рывка не было открытием Романова, но в его устах эта формула была высказана предельно ясно.

Андроповцам казалось, что они уже научились, выражаясь словами новосибирских академиков, «нейтрализовывать группы», выступающие против их политики (вряд ли они осознавали себя представителями социального слоя, в целом противостоящего серьезным преобразованиям). Но вот с «мобилизацией заинтересованных в изменениях групп» дело обстояло сложнее. Приходилось учитывать опасность того, что джинн социальных интересов, выпущенный из бутылки, уже не будет контролироваться властями (не случайно упоминание Андроповым анархо-синдикалистской угрозы, которая, как казалось в 70-е гг., потеряла актуальность еще в 1921 г.). И все же в осторожной форме Андропов следует и этому совету социологов. Уже в своей статье о Марксе он позволяет себе положительно отзываться о самоуправлении — механизме преодоления отчуждения труженика от средств производства, который прежде критиковался как мелкобуржуазный. Большие надежды возлагались на активизацию производственных совещаний — своего рода «кружков качества», призванных находить новые технологические возможности и внедрять их в производство¹³⁷. Но для этого тружеников нужно было как-то заинтересовать в технологических инновациях.

Уровень предприятия Андропов считал пока оптимальным для экспериментов и реформ, о чем говорил на Политбюро¹³⁸. В этом осторожном подходе была одна уязвимая сторона — законы микроэкономики и макроэкономики различны, и то, что хорошо показало себя на уровне предприятия, может привести к печальным последствиям в масштабе всего общества.

17 июня 1983 г. был принят Закон о трудовых коллективах. Им позволялось теперь участвовать в обсуждении планов, коллективных договоров, определении принципов расходования фондов оплаты труда. Голос трудовых коллективов в большинстве случаев определялся как совещательный. Предполагалось, что в ходе обсуждений может проявляться инициатива людей, новые идеи (подобно тому, как в Японии это происходило при работе также совещательных «кружков качества»). Однако конкретный меха-

низм реализации даже совещательных прав коллективов не был отработан. Закон гласил: «Полномочия трудовых коллективов осуществляются непосредственно общими собраниями (конференциями) трудовых коллективов, предприятий, учреждений, организаций»¹³⁹. Понятно, что в условиях абсолютного господства администрации на предприятии конференция будет полностью находиться в руках директора. Тем более, что в перерывах между собраниями и конференциями полномочия коллектива поручалось реализовывать администрации, парткому, профкому и комсомольской организации. Таким образом, закон о трудовых коллективах предоставлял дополнительные полномочия уже существующим на предприятии органам управления, не создавая институтов самоуправления. Интересно, что Горбачев при обсуждении проекта закона на Политбюро осторожно высказался против него из-за очевидной мертворожденности этого акта. В дальнейшем реформаторы продолжали проявлять осторожность к изменению производственной микроструктуры, рекомендуя действовать «без лишней поспешности»¹⁴⁰.

Принятое 14 июля 1983 г. постановление правительства «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» несколько расширяло права руководителей предприятий в расходовании фондов (прежде всего — фонда развития производства и фонда развития науки и техники) и усиливали зависимость зарплаты от реализации продукции.

Чтобы не рисковать, реформы решили сначала опробовать в широкомасштабном эксперименте. С 1 января 1984 г. на новые условия работы перевели министерства тяжелого и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности, а также республиканские министерства пищевой (Украина), легкой (Белоруссия) и местной (Литва) промышленности (всего около 700 предприятий, а затем 1850 предприятий). Здесь вводился частичный хозрасчет, некоторая самостоятельность предприятий и объединений в формировании планов, ограниченное число контрольных показателей и (экспериментировать — так экспериментировать) сюда в приоритетном порядке направлялись ресурсы. Поступление средств, которые направлялись в фонды предприятий, ставилось в зависимость от выполнения ими контрольных нормативов. Устанавливалась дополнительная ответственность предприятий за выполнение договорных обязательств, но зато администрация получала широкую автономию внутри предприятия¹⁴¹.

1 февраля 1983 г. была проведена скромная «подстройка» цен под рынок — были повышены цены на продукты, находившие спрос, и снижены — на те, что пылились на полках. В апреле 1983 г. прошло совещание в ЦК, на котором обсуждались возможности поддержки подсобных участков и личных приусадебных и подсобных хозяйств. В условиях монопольной экономики эти подвиги были весьма скромными, но само направление государственной мысли достаточно симптоматично. О направлении дальнейших преобразований, задуманных Андроповым, сообщает Н.Рыжков: «Его интересовали проблемы хозяйственного расчета и самостоятельности пред-

приятий, концессий и кооперативов, совместных предприятий и акционерных обществ. Помню, он поручил нам подобрать все, что у нас написано о концессиях и совместных предприятиях»¹⁴². Таким образом, речь шла о возращении к политике НЭПа 20-х гг., включая допуск иностранного капитала к разработке ресурсов страны. «Нэпманские» мотивы звучали и в словах Горбачева. Руководитель Отдела науки и учебных заведений ЦК В.Медведев пишет: «Я вспоминаю, что именно тогда обговаривались идеи применения принципа продналога между центром и регионами по продовольственным вопросам, о необходимости большей свободы хозяйствам...»¹⁴³ Путем осторожного «освобождения инициативы», использования иностранных капиталов и технологий Андропов и его команда надеялись решить проблему нехватки ресурсов и технического отставания, с которой столкнулась отечественная экономика. Впрочем 28 июля, через две недели после постановления «по расширению прав» было принято постановление «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда», в котором говорилось: «Неспособность руководителя обеспечить надлежащую дисциплину труда на полученном участке работы должна расцениваться как несоответствие занимаемой должности»¹⁴⁴. Одновременно постановление запрещало проведение в рабочее время «различных собраний»¹⁴⁵, которые, таким образом, переносились на свободное время работника. 18 августа «пакет» решений дополнился постановлением «О мерах по ускорению научно-технического прогресса», которое предписывало снимать с производства изделия, которые не пройдут аттестацию по высшей либо первой категории качества¹⁴⁶.

Г.Шахназаров, который вел более-менее откровенные беседы с Андроповым в 60-е гг., вспоминал о таких его словах: «Машина, грубо говоря, поизносилась, ей нужен ремонт... Может быть и капитальный, но не ломать устои, они себя оправдали... Начинать надо с экономики. Вот когда люди почувствуют, что жизнь становится лучше, тогда можно постепенно и узду ослабить, дать больше воздуха. Но и здесь нужна мера. Вы, интеллигентская братия, любите пошуметь: давай нам демократию, свободу! Но многого не знаете. Знали бы, сами были бы поаккуратней»¹⁴⁷.

1983 г. — год замораживания даже литературных дискуссий. «Гуманистическая волна в советской литературе с ее поисками национальных истоков и защитой общечеловеческих ценностей натолкнулась на рациональное мышление Андропова»¹⁴⁸, — комментирует И.Земцов.

Эта последовательность — сначала экономические, потом — осторожные политические преобразования, соблюдалась Горбачевым до 1988 г., когда под давлением экономического кризиса и вышедших на улицу людских масс лидер Перестройки был вынужден отступить от алгоритма Андропова.